

TARIXIN FƏLSƏFƏSİ: RETROSPEKTIV VƏ PERSPEKTIV
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА
THE PHILOSOPHY OF HISTORY: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

AMEA Fəlsəfə İnstitutu
НАНА Институт философии
ANAS Institute of Philosophy

TARIXIN FƏLSƏFƏSİ:
RETROSPEKTIV VƏ PERSPEKTIV

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

THE PHILOSOPHY OF HISTORY:
RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Bakı - 2018

**Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə İnstitutu
Müasir fəlsəfə problemləri şöbəsi**

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт философии
Отдел: Современные проблемы философии**

**Azerbaijan National Academy of Sciences
Institute of Philosophy
Department: Modern Problems of Philosophy**

Tarixin fəlsəfəsi: retrospektiv və perspektiv

Философия истории: ретроспектива и перспектива

The Philosophy of History: Retrospective and Perspective

BAKİ - БАКУ – BAKU - 2018

Məqalələr toplusu AMEA Fəlsəfə İnstitutunun Müasir fəlsəfə problemləri şöbəsinin 04 iyun 2018-ci il tarixli iclasında müzakirə edilmiş (5 sayılı protokol) və çapa məsləhət görülmüşdür.

Elmi redaktorlar:

Əli Abasov - fəlsəfə elmləri doktoru, professor.

Əbülhəsən Abbasov - fəlsəfə elmləri doktoru, professor,
Rusiya Pyotr Akademiyasının müxbir üzvü

Redaksiya heyəti:

Əli Abasov - fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Əbülhəsən Abbasov - fəlsəfə elmləri doktoru, professor

Aydın Şirinov - professor

Rauf Məmmədov - fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru

Məsul katib:

Mahrux Abbas - fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru

T10(18) Tarixin fəlsəfəsi: retrospektiv və perspektiv. - Bakı, "Azərbaycan" nəşriyyatı, 2018. - 700 səh.

T $\frac{4804000000 - 010(2018)}{M670(07) - 2018}$ Sifarişlə

ISBN 9552-33-020-0

© "Azərbaycan" nəşriyyatı, 2018.

***Kitab Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin
100 illiyinə həsr olunur***

**Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
Fəlsəfə İnstitutu
Müasir fəlsəfə problemləri şöbəsi**

***Книга посвящается 100-летию Азербайджанской
Демократической Республики***

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт философии
Отдел: Современные проблемы философии**

***The book is dedicated to the 100th anniversary of Azerbaijan
Democratic Republic***

**Azerbaijan National Academy of Sciences
Institute of Philosophy
Department: Modern Problems of Philosophy**

Tarixin fəlsəfəsi: retrospektiv və perspektiv

Философия истории: ретроспектива и перспектива

The Philosophy of History: Retrospective and Perspective

Bakı - Баку – Baku - 2018

Mündəricat – Оглавление – Table of Contents

Ön söz – Əbülhəsən Abbasov.....	7
Вместо введения – Али Абасов	10

I. Tarix və Fəlsəfə

История и Философия – History and Philosophy

Эльдар Исмаилов. От автора.....	14
Шаин Мустафаев. Некоторые теоретические вопросы современной азербайджанской историографии	22
Əbülhəsən Abbasov. İctimai meqatrend: problemin tarix fəlsəfəsi kontekstində təhlili	64
Анатолий Левко. Постнеклассическая философия истории: основные методологические подходы и принципы	84
Тадеуш Адуло. Постигание человеческой истории – императив XXI века.....	97
Ануар Галиев. Мифологизация истории на постсоветском пространстве: смысл и назначение	116
Газиз Телебаев. Категории «TƏNİRİ» И «QUT» в тюркских письменных источниках	133
Сафар Колдыбаев. Теоретические аспекты соотношения формационного и цивилизационного подходов к истории Казахстана	147
Aydın Şirinov. Tarixdə təkamül və zorakılıq problemi.....	163
Али Абасов. Философия истории: ретроспектива и перспектива	172
Ариф Буниятов. Особенности философии истории в немецкой классической традиции.....	219
Фарда Асадов. Ориенталистика и ориентализм в государствах Центральной Азии и Кавказа.....	229
Гиорги Хеошвили. Историософия Константина Леонтьева	238
Rövşən Nəcəv. Tarixi prosesin dövrləşdirilməsinə dair əsas konsepsiyaların təhlili.....	245

Xəliyəddin Xəlilli. Tarixin fəlsəfi problemləri	260
--	------------

II. AXC – 100; АДР – 100; АDR - 100

Айдын Балаев. Отношение Ахмед бека Агаоглу к идее независимости Азербайджана	311
Айдын Балаев. М.Э.Расулзаде: критическое переосмысление опыта государственного строительства (1918-1920 гг.)	325
Faiq Ələkbərli. “Azərbaycan”, “Azərbaycan türkçülüğü”, “Azərbaycan Cümhuriyyəti” ideyalarına tarixi-fəlsəfi baxış.....	338
Haydar Baş. Milli devlet ve globalleşme	359
Radif Mustafayev. Məhəmməd Əmin Rəsulzadənin millətçilik fəlsəfəsi	372
Yasəmən Qaraqoyunlu. Azadlıq mübarizəsinin iki mərhələsi: Ə.B.Topçubaşov və M.Ə.Rəsulzadə.....	380

III. Tarix - Mədəniyyət – Elm

История – Культура – Наука History - Culture - Science

Ядвига Яскевич. Рационализм и гуманистические стратегии в модернизации современного общества: историко-философская реконструкция	422
Нигинахон Шермухамедова. Гуманизация образования как способ сохранения национальной идентичности	431
Валентина Мирзаева. Современный этап исторического процесса в зеркале культуры	438
Виктор Вашкевич. Мировоззренчески-методологические проблемы философии науки.....	448
Георгий Почепцов. Перестройка как вариант виртуальной войны.....	461
Еркин Байдаров. Анализ многовекторности и безопасности во внешней политике государств Центральной Азии.....	485
Mətləb Mahmudov. Sosiomədəni ehtiyatlar məkan-zaman tarixi kontekstində	505
Rauf Məmmədov. Tarixdə qadının yeri və rolu.....	515

Zeynəddin Şabanov. İdarəetmə və hakimiyyət məsələlərinə retrospektiv baxış.....	552
Mahrux Abbas. Hanna Arendt. Müasirliyin tənqidi	595

IV. Şifahi və gender tarixi

Устная и гендерная история - Oral and gender history

Həcər Abdallı. Azərbaycanlıların soyqırımı tarixi faktlar əsasında	605
Nəzakət Salmanova. Bəşər tarixində qadına münasibət	613
Elmira Təhməzova. N.Gəncəvinin əsərlərində tarixə fəlsəfi baxış	618
Qüdsiyyə Əliyeva. Cənubi Qafqazın ən yeni tarix fəlsəfəsi	632
Фарида Багирова. Философия и образ женщины в истории	642
Xalidə Nəzərova. Tarixin fəlsəfəsində səbəbiyyət prinsipi	648
Asya Əhmədova. O kənd bizim kəndimizdi.....	651
Nailə Əlicanova. AXС dövründə qadın siyasəti və onun tarixi əhəmiyyəti	662
Xülasə - Резюме – Summary	666
Müəlliflər haqqında məlumat – Сведения об авторах – Information about authors	693

national-defence-security-and-technology/technology/ict/darpa-next-generation-social-science-program-seek-new-models-theories-tools-predictive-science-social-phenomena/

47. DARPA Support for Penn-led Team to Develop 'Next Generation' Social Science // almanac.upenn.edu/articles/darpa-support-for-penn-led-team-to-develop-next-generation-social-science

48. Лесков С. Наша война и секретная школа Маска // www.rosbalt.ru/blogs/2018/04/14/1696262.html

49. Romeyn K. Details emerge on Elon Musk's super-secret L.A. school // www.hollywoodreporter.com/news/details-emerge-elon-musks-super-secret-la-school-1029882

50. Jackson A. Elon Musk launched a secretive LA private school for his kids 4 years ago and there are still almost no details available // www.businessinsider.com/elon-musk-ad-astra-school-2017-11

Еркин Байдаров³

Анализ многовекторности и безопасности во внешней политике государств Центральной Азии

Введение

Кардинальные социально-экономические и политические преобразования, происходящие сегодня в Республике Казахстан, приводят к росту национального сознания, научному осмыслению прошлого исторического опыта, дают возможность по-новому осмыслить те процессы, происходящие в настоящее время и предвидеть будущее, являясь тем самым основой осмысления нами феномена цивилизации и диалектики глобальных процессов современности.

Понимание того факта, что история – это не только сумма знаний о прошлом, но и историческое мышление, формирующее гражданскую позицию, помогает в воспитании у членов социума не только чувства национальной гордости, но и чувства патриотизма, любви к Родине.

Это тем более важно, когда в эпоху перемен в жизни общества неизбежно возникают вопросы о причинах и смысле совершающегося, попытки хотя бы теоретически наметить выход из кризисной ситуации, оправдать или отвергнуть настоящее, обосновать свои исторические цели, социально-политические программы на будущее, формируемые в терминах, адекватных времени. Все это вместе приводит к оживлению

³Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «*Многовекторность и безопасность внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии*» (№BR05236550) по программе целевого финансирования научных, научно-технических программ Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2018-2020 гг.

той области знания, которая названа Вольтером «*философией истории*» и является осмыслением социальной действительности, основанной на ретроспекции прошлого и иногда конструировании будущего с целью «упорядочить» историческое пространство и время.

К тому же процесс осмысления своеобразия современного мира, его целостности актуален для всех стран мира и их сообществ. В условиях образования многополярного мира особый интерес представляет изучение внешней политики восточных стран, участие которых в глобальной мировой политике сегодня становится все более активным. В данном контексте обращает на себя внимание политика многовекторности и безопасности Республики Казахстан, которая с самого начала обретения независимости превратила ее в главный принцип внешней политики, определив как «развитие дружественных и предсказуемых взаимоотношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющими для нашей страны практический интерес» (1, с.510).

Несмотря на довольно значительный имеющийся материал по внешнеполитической деятельности Республики Казахстан с момента обретения независимости в конце XX в. (2), следует отметить, что до сих пор не был осуществлен социально-философский анализ политики многовекторности и безопасности внешней политики страны. Такой анализ необходим, поскольку многовекторность и безопасность внешней политики РК основываются на историческом прошлом страны, политических традициях и практике, уходящей своими корнями в XV век, к моменту образования Казахского ханства (1465), одной из правопреемниц Золотой орды, крупнейшего государственного образования Евразии эпохи средневековья.

Многовекторность как фактор «географического расположения»: от Казахского ханства к Республике Казахстан

Если обратиться к толковому словарю, то понятие «многовекторный» обозначает направленность на основные географические направления (*о внешней политике государства*) (3).

Философия исторических событий на евразийском пространстве и, в частности, на территории одного из его крупнейших регионов Центральной Азии, показывает, что многовекторность во внешней политике, а также связанные с ней вопросы безопасности и прежде и ныне были направлены именно на основные географические направления,

став следствием «географического расположения» (1, с.462). Такая интерпретация содержит в себе базовый элемент современной внешнеполитической доктрины стран региона.

В данном контексте многовекторная внешняя политика государств Центральной Азии на современном этапе их развития наряду с физической рефлексией на географическое окружение, является своего рода «ответом» нового субъекта международных отношений на «вызовы» сложной, непредсказуемой среды.

С чем это связано?

Во-первых, необходимость проведения многовекторной внешней политики была обусловлена расположением Казахстана и других стран региона на обширной территории между двумя крупными государствами, такими как Россия и Китай.

Во-вторых, особенности внешней политики объясняются и тем, что на протяжении веков и на современном этапе выход на мировые рынки для Казахстана и стран Центральной Азии из-за отсутствия морских границ возможен только через территории сопредельных государств.

В свою очередь, небольшая численность и малая плотность населения в Казахстане при обладании большой территорией также вынуждает решать проблемы сохранения суверенитета и территориальной целостности, сохраняя компромисс в отношениях с соседями.

И, не в последнюю очередь, интерес мировых геополитических и геоэкономических центров силы к Казахстану и центрально-азиатскому региону в целом, немалая часть которого связана с ресурсным потенциалом республик, также способствует многовекторному выбору внешнеполитических приоритетов (4).

Соглашаясь с мнением казахстанского политолога М. Лаумулина, что многовекторность означает балансирование между различными геополитическими центрами силы, оказывающими влияние на Казахстан и на Центральную Азию, отметим, что государствам Центральной Азии сам Всевышний велел использовать систему координат Global Politics так, как необходимо для сохранения своих национальных интересов. В этом аспекте, многовекторность стран региона необходимый инструментарий в дипломатических отношениях с остальным миром, который позволяет сбалансированно и одновременно равномерно поддерживать отношения с важными центрами сил и основными мировыми и региональными игроками.

Таким образом, многовекторность во внешней политике Республики Казахстан и стран Центральной Азии означает проведение тонкого и сбалансированного геополитического курса, искусную игру на противоречиях между важнейшими центрами силы современного мира, направленную на то, чтобы обеспечить национальные интересы страны и максимально ослабить свою зависимость **(5)**.

Ее основы в регионе Центральной Азии сложились еще в эпоху раннего средневековья и продолжались до ее завершения в XVII веке (1648). Примерами здесь могут быть внешнеполитическая деятельность Тюркского и Западно-Тюркского каганата, империи Тимура (Тамерлана), Казахского ханства, внешней политике которых было характерно многовекторность, сбалансированный и прагматичный курс, в котором обеспечение вопросов безопасности играло важную роль.

Если о внешней политике Тюркского и Западно-Тюркского каганата и империи Тимура (Тамерлана) имеется большой массив научной литературы, то этого нельзя сказать о Казахском ханстве, исследование которого по настоящему началось только с момента обретения независимости и национального суверенитета в конце XX столетия. Государственная программа «Народ в потоке истории» и 550-летний юбилей образования Казахского ханства в 2015 году стали началом масштабного, качественного скачка исторической науки Казахстана на базе современной методологии и методики исследования, расширения горизонтов национальной истории казахов, формирования нового исторического мировоззрения нации **(6)**.

Исторически государственность на территории Казахстана формировалась веками, сохраняя при этом основные ценностные ориентиры, главные среди которых – единство народа и независимость. Поэтому так важно в условиях модернизации общественного сознания в Республике Казахстане говорить о «...национальной истории как источнике законной гордости и культурного самопонимания» **(7, с.59)**.

Образование Казахского ханства во второй половине XV века (1465) стало ключевым периодом в истории Казахстана, характеризующимся укреплением традиций государственности кочевых народов Дашт-и-Кипчака, борьбой за независимость и территориальную целостность. Эпоха, обозначенная первыми казахскими ханами Кереем (1465-1473) и Жанибеком (1473-1480), заложила фундамент традиций толерантного сосуществования и сотрудничества казахов со своими соседями **(8)**.

Начало активной внешней политике Казахского ханства, прошедшего путь от возникновения до крупного государства в центрально-азиатском регионе было положено при хане Касыме (1445/1446-1523/1524), при котором территория Казахского ханства существенно расширилась, в том числе и в западном направлении. Преемник Касыма – Тауекел-хан (1582-1598) стал одним из первых казахских ханов, установивших союз с Россией, закрепив его договором в 1594 году. Однако активное расширение границ Русского государства приближало его к казахским степям. Тауекел-хан, учитывая эти внешнеполитические реалии, осознавал необходимость иметь с растущим соседом стабильные политические и экономические связи.

В 40-е годы XVII века главным вектором внешней политики Казахского ханства становится джунгарский фактор. Борьба против джунгар была наиболее успешной при хане Тауке (1680-1718). Однако после его смерти начинается период раздробленности Казахского ханства. В начале 30-х годов XVIII века казахские правители соглашались на вассальные отношения с Российской империей, желая получить военную и экономическую поддержку в противостоянии с джунгарской, а позднее китайской угрозой. Однако протекторат обернулся военно-казачьей колонизацией края.

Небезуспешные стремления противостоять колонизации связаны с именем Абылай-хана (1711-1780), который сумел использовать ряд благоприятных факторов и сыграл выдающуюся роль в осуществлении сбалансированной внешней политики Казахского ханства.

Для успешного решения территориальных вопросов требовались качества дипломата. И вот в этом проявилась одна из сильнейших черт Абылай-хана. Будучи влиятельным султаном, он сумел в 1748 году принять подданство России, а в 1756 году, сохраняя его, принять китайское подданство, оставаясь практически самостоятельным **(9)**. Благодаря этому он сумел в 50-60-х годах XVIII века решить насущные политические и земельно-территориальные проблемы казахов с наибольшей выгодой для своего народа. В итоге, благодаря целенаправленной деятельности Абылая, политическая карта Казахстана приобрела близкий к современному вид⁴.

⁴«Геродот казахской степи» А.И. Левшин в своей книге «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (1832) четко и точно охарактеризовал внутреннюю и внешнюю политику Абылай-хана: *«Превосходя всех владельцев киргизских латами, хитростию и опытностию, известным умом,*

Признание вассальной зависимости от Пекина было связано с тем, что после разгрома Джунгарского ханства в 1755-1758 гг. к казахским владениям в Центральной Азии вплотную приблизился Цинский Китай. Следует отметить, что полное уничтожение Джунгарии, несмотря на всю остроту взаимоотношений между двумя последними кочевыми государствами Евразии, не входило в замыслы казахских правителей. Однако попытки сохранить Джунгарское ханство как государство-буфер между Казахской степью и Китаем не принесли успеха. Но втянувшись в борьбу за джунгарское «наследство» казахам удалось приобрести и удержать за собой новые кочевья, которые существуют и сегодня в составе Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР.

Военное противостояние Казахского ханства и Цинского Китая в 1756-1757 гг. вело к большим потерям с обеих сторон. Именно большие потери в сражениях с казахами, а также нехватка продовольствия заставило Пекин отозвать войска из Казахстана. По ориентировочным данным (из китайских и русских архивов), из 20-тысячной китайской армии, направлявшейся на запад, вернулось не более 3 тысяч.

Летом 1757 г. цинские войска через Тарбагатайские горы вновь вторглись в казахские земли. Понимая бесперспективность борьбы за возрождение Джунгарии, казахские султаны во главе с Абылаем, начали вести переговоры с Пекином, изъявив желание, наладить политические и экономические связи с Цинской империей.

В результате в сентябре 1757 г. в Пекин было направлено посольство во главе с Канжигером и Омиртаем. Во время аудиенции у императора Цяньлуна казахские послы, с одной стороны, объяснили свои действия против Китая 1756-1757 гг. ошибкой, с другой, объявили Алтай и Тарбагатай своими законными кочевьями и настаивали на передаче его казахам. Казахи стремились вернуть пастбища, особенно богатые земли в долинах верховьев Иртыша и Или, а также и на Тарбагатае.

сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями с императрицею российской и китайским богдоханом. Уверенный в своих достоинствах, он искусно привлекал к себе приверженцев важностью своею и осторожным поведением, грозил врагам своею силой и, признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель совершенно независимый» // Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – С. 254.

Цины же претендовали на все земли, принадлежавшие ранее Джунгарии. В конце концов эти проблемы были решены дипломатическим путем **(10, с.192)**.

Решающим в стабилизации обстановки в Семиречье, Алтае и Тарбагатае, а также международного признания ханского достоинства Абылая, но «не выше того, каким он обладал у казахов» было посольство во главе с его наследником Вали султаном (1741-1821) в 1769 г. Прибытие первенца Абылая и его наследника к цинскому двору должно было иметь серьезные политические и экономические последствия для хана. Вали султан должен был служить гарантом лояльного отношения к цинскому правительству в обмен на неизменную поддержку фамилии Абылая как при жизни хана, так и после его смерти.

Завещая своим сыновьям выстраивать хорошие отношения с Китаем и Россией, Абылай-хан в то же время подчеркивал, что следует «более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией» **(11, с.115)**.

Таким образом, в условиях практически двойного протектората, ведя «политику лавирования», балансируя на противоречиях между двумя великими державами, Абылай-хан с помощью многовекторной внешней политики сумел сохранить казахскую государственность.

После смерти Абылай хана в 1780 году, в начале января 1781 года Вали был утвержден в звании хана императором Цяньлуном (1711-1799), по сложившейся на тот момент в казахско-китайских отношениях традиции и стал преемником хана Абылая.

Хан Вали правил в Среднем жузе на протяжении 40 лет в (1781–1821) и старался в силу своих возможностей продолжать политику своего отца. Столь продолжительное правление является уникальным не только в истории Казахстана, но и во всем регионе Центральной Азии. Преследуя как политические, так и экономические интересы, он старался достаточно регулярно посылать своих послов в Китай. Так, согласно китайским дворцовым хроникам, мы можем говорить о семи - официальных посольствах Вали хана за 40 лет его правления в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 годах **(12)**.

Реально оценивая политическую ситуацию, Вали проявлял склонность к контактам с Цинской империей, признававшей потомков хана Абылая в качестве легитимных представителей власти в Среднем жузе. Пекин же, оказывая номинальную поддержку казахским ханам и султанам, выступал в роли противовеса между казахской правящей элитой и царской администрации с берегов Невы.

Однако Уставы 1822 и 1824 годов о казахах Среднего и Младшего жузов фактически объявлявшие, что отныне казахские земли государственная собственность Российской империи, почти на 170 лет прекратили развитие казахской государственности.

С распадом Советского Союза, продолжавшего на протяжении более 70 лет традицию бывшей метрополии по отношению к Казахстану и Средней Азии, новые независимые государства Центральной Азии начали новую страницу своей истории. Провозгласив свою независимость в декабре 1991 года, Республика Казахстан сумела за сравнительно короткий исторический отрезок времени занять довольно прочные позиции на международной арене. При этом стране удалось избежать межэтнических и межконфессиональных конфликтов, о неизбежности которых говорили многие эксперты-советологи.

Многовекторность и безопасность Казахстана и стран Центральной Азии в теоретических конструктах

Соседство с двумя гигантами – Россией и Китаем, как уже было отмечено выше, вынуждает Казахстан и страны Центральной Азии маневрировать и балансировать между различными геополитическими центрами силы.

Естественно, чтобы выжить в окружении более сильных соседей, приходится принимать «правила игры» или же вести «свою игру».

У Казахстана, как и у его соседей по центрально-азиатскому региону имеются свои национальные интересы, которые необходимо решить с пользой для стран региона, и эта задача во многом будет зависеть от способностей руководства стран. В данном контексте государствам Центральной Азии важно найти общий баланс интересов и выступать единым фронтом, чтоб не оказаться пешками в чужой игре и не попасть в костер конфликтов, зажженный руками тех, кому регион нужен только для достижения собственных геополитических выгод (13).

Из так называемой неореалистической теории международных отношений нам известно, что страны, оказавшиеся зажатыми между сильными державами, выбирают стратегии балансирования или присоединения к сильному (bandwagoning), стремясь обеспечить свою безопасность. На деле мотивация может быть более нюансированной и различной – балансирование, мотивированное «самосохранением и защитой уже существующих ценностей», или «присоединение к сильному лагерю, как «самовозвышение» для получения желаемых ценностей» (14). Если есть внешняя угроза, то выбирается стратегия балансирования во избежание потерь, если фон более позитивный, то выбирается присоединение к сильному лагерю с целью получения выгод.

Как отмечает Никола Контесси (15), для небольших государств великие державы представляют собой как возможность, так и угрозу: возможность, потому что привлечение их может стать источником помощи, покровительства, престижа или других преимуществ; угрозу, поскольку очевидные диспропорции меньших стран делают их уязвимыми для усугубления зависимости от кого-то.

Согласно Контесси, страны Центральной Азии стали классическим примером «мультивекторности», которая варьируется между четырьмя типами. *Первый тип* устанавливает главную задачу многовекторной внешней политики: обеспечение национальной безопасности и утверждение и сохранение суверенитета и независимости перед большой силой. В регионе это приобретает особое значение в свете стремления России восстановить «сферу привилегированных интересов». Поэтому, несмотря на сильные культурные, лингвистические и исторические привязанности, многовекторная внешняя политика государств Центральной Азии направлена на предотвращение этого подчинения, одновременно избегая зависимости и от Запада или Китая.

Второй тип направлен на то, чтобы изолировать режим от системного давления, подрывающего его легитимность. Будучи недемократическими государствами и оставаясь по большей части авторитарными, страны Центральной Азии, тем не менее, декларируют свою приверженность ценностям демократии, вступив в такие западные региональные организации, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Но одновременно страны Центральной Азии подчеркивают приверженность принципам суверенитета и невмешательства, будучи членами таких «евразийских» организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), используя их как параллельный источник международной (ре) легитимации.

Третий тип относится к диверсификации покупателей природных ресурсов. Для стран-экспортеров энергетических ресурсов цель состоит в разработке альтернативных маршрутов экспорта для диверсификации клиентской базы и увеличения прибыли. *Четвертый тип* направлен на содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инфраструктуры и интеграцию в глобальные транспортные маршруты (15).

Какие именно интересы и тактики стоят за многовекторной политикой? Так, Елена Гнедина (16), объясняет некоторые основы многовекторности с точки зрения переговорной теории, где многовектор-

ность, это политика сотрудничества и сосуществования со всеми региональными державами. Другие, однако, считают «многовекторную» внешнюю политику как «непостоянное, бессвязное и идеологически пустое» (17), поведение, что помогает постсоветским государствам воздерживаться от систематического и плодотворного сотрудничества с теми или иными странами. Например, с Россией или ЕС.

Главный аргумент Гнединой состоит в том, что «многовекторность» не является ни балансирующей стратегией, ни выбором присоединения к сильному лагерю – постсоветские элиты используют переговорную стратегию с конкурирующими внешними участниками в отношении условий сотрудничества (16). Поскольку их способность к переговорам ограничена, постсоветские государства стремятся усилить переговорную позицию (*bargaining power*) посредством тактического маневрирования, преследуя свои собственные цели.

Кроме того, есть несколько предпосылок для успешной «многовекторной» внешней политики. Во-первых, внешние субъекты могут осознать стратегическое намерение более мелкого государства и в конце концов отказаться от переговорной игры. Тогда меньшее государство потеряет преимущество в переговорах и, возможно, игра закончится. Во-вторых, успех «многовекторной» политики также может зависеть от темы переговоров. Чем теснее меньшее государство переходит к формальному сотрудничеству с одним внешним субъектом, через заключение юридических соглашений о торговле, энергетике или политической интеграции, тем быстрее сужается поле для маневра для него самого.

Многовекторная внешняя политика, следовательно, представляет собой результат совокупного коллективного выбора политическими элитами, действующими под значительными внутренними и внешними ограничениями. Аналогичным образом, т.е. логикой конкуренции руководствуются Россия и ЕС, США или Китай, хотя не всегда признавая это на официальном уровне (18).

Если же рассуждать о проблеме национальной безопасности, то они всегда находились в центре внимания руководства стран Центральной Азии. Например, в Стратегии «Казахстан-2030» национальная безопасность сформулирована в качестве первого, самого главного долгосрочного приоритета социально-экономического развития страны в XXI веке. Это и не удивительно, так как национальная безопасность жизненно важна для любого государства. Как отмечает Президент РК Н.А. Назарбаев: «Наш основной приоритет незыблем и бесспорен: безопасность нации и сохранение государственности» (19, с.235).

Для создания эффективной системы обеспечения безопасности государства необходимо иметь четкое представление о методологических основах концепции безопасности. Понятийный род концепции должен иметь свою логику «течения» понятий, которыми мы в настоящее время пользуемся. Для этого первоначально нужно определиться и раскрыть родовое понятие «безопасность», а затем ее систематику видов. Если родовое понятие сущности «безопасность» на сегодняшний день остается довольно устойчивой, то по уточнению его содержания ведутся споры. Например, в контексте нашей проблематики: 1) безопасность – это состояние защищенности важных интересов государства; 2) безопасность – это способность государства защитить свои жизненно важные интересы; 3) безопасность – это свойство государства противодействовать угрозам опасности и 4) безопасность – это система мер государства, направленная на предотвращение опасности. Однако любое вышеназванное определение безопасности является по сути вторичным, так как состояние защищенности, способность к защите, свойство предотвращать угрозы, система мер и прочие категории безопасности сами по себе не возникают. Во-первых, защищенность важных интересов государства необходимо сформировать, во-вторых, способность защитить эти интересы, всего лишь есть одна из сторон объективной реальности и, в-третьих, система мер, также создаваемая и формируемая доминанта социально-политического бытия.

Каким же образом Казахстану и его соседи по региону должны решать противоречие современной глобализации и национальной безопасности? На какую из сторон этого противоречия им следует сделать акцент? Эти вопросы имеют судьбоносное значение для развития стран Центральной Азии на ближайшую и отдаленную перспективу.

На наш взгляд, национальная безопасность в условиях глобализации – есть, прежде всего, защищенность государства и людей, населяющих его, от любых неприемлемых для них изменений: геополитической среды обитания, материальных и духовных потребностей, ресурсов, технологий, информации, научно-образовательного потенциала страны, идейно-нравственных идеалов, взаимоотношений с другими государствами и народами.

Они основаны на совокупности трех аспектов:

1. Защищенности личности, собственности, интересов;
2. Политической, экономической, социальной, культурной защищенности социума, его материально-духовных интересов;

3. Безопасности страны, целостности её территории, а также сохранности основных политических, социальных, культурных, экономических, военных, экологических институтов и материально-духовных ценностей.

Они в свою очередь базируются на трех основных принципах:

1. Самосохранении государства как гаранта безопасности личности, общества и страны;

2. Как целостной системы сложных структурных факторов по организации и осуществлению защиты государства по его физическому, нравственному сохранению и самосовершенствованию.

3. Безопасности – неперемного условия обеспечения защищенности поставленных перед обществом задач.

Парадигмами национальной безопасности стран Центральной Азии в политическом аспекте могут быть:

– национальная безопасность как функция и обязанность государства;

– геополитический и цивилизационный моменты национальной безопасности;

– проблемы новой геометрии безопасности;

– международная, региональная и национальная безопасность;

– военно-политический аспект национальной безопасности;

– социально-экономическая, образовательная и культурная составляющие национальной безопасности.

Таким образом, национальная безопасность Казахстана и стран Центральной Азии, в контексте процессов, которые происходят сегодня в мире, может быть проявлена как сохранение его базовых потенциалов, таких как:

– физическое здоровье, численность населения, процент в его среде трудоспособного населения (популяционные ресурсы);

– богатство территории проживания природными ресурсами (природные ресурсы);

– качество технической и технологической системы общества (цивилизационные ресурсы);

– качество образования и науки в обществе (цивилизационные ресурсы);

– характер и качество нравственной системы ценностей (духовно-культурные ресурсы) **(20).**

При этом мировоззренческий фактор может стать решающим в борьбе народов за свое сохранение. Причина этого в том, что именно он является наиболее подверженным чувствам и эмоциям, являясь самым

коротким путем к достижению целей общественного развития, исповедуемых социальными группами (21).

Многовекторность внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии: *pro et contra*

Впервые «многовекторность» в контурах внешней политики Казахстана была обрисована 2 декабря 1991 года на пресс-конференции по итогам президентских выборов, когда избранный народом Казахстана на этот пост Нурсултан Назарбаев на вопрос об ориентации Казахстана на Восток или Запад заявил об открытости государства и отметил, что «Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узкорегиональных проблемах. Это было бы непонятно не только у нас в стране, но и за ее пределами. Будущее Казахстана и в Азии, и в Европе, и на Востоке и на Западе. Взаимопонимание между Востоком и Западом зиждется на знании особенностей друг друга и содержит в себе огромные возможности, которые предстоит обратить на благо наших стран и народов. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана. Мы сможем укрепить благоприятные внешние условия экономическим и политическим преобразованиям в нашей стране» (1, с.510).

Выступая 5 октября 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке с предложениями о создании в Азии новой модели системы безопасности, казахстанский лидер определил «многовекторность» как политику дружественных и предсказуемых отношений со всеми государствами, согласно которой «Республика Казахстан не имеет каких-либо претензий ни к одной стране мира и постоянно проводит политику мирного урегулирования существующих и возможных претензий со стороны внешних государств» (22, с.98-99).

С тех пор прошло более 25 лет, но принцип многовекторности и сегодня является «стержнем внешнеполитической деятельности страны» (К. Токаев). Факторами, которые придали многовекторности дальнейшее ускорение стало: (1) появление Китая в качестве серьезного игрока в Центральной Азии; (2) проведение Казахстаном самостоятельной политики в отношении других центров силы во второй половине 1990-х гг. Но по-настоящему многовекторной внешняя политика Казахстана стала в 2000-е гг., благодаря укреплению государственности, экономическому росту, завоеванию Астаной лидирующих позиций в Центральной Азии и в целом на постсоветском пространстве. Как показали последующие события, Казахстан действительно способен проводить

реальную многовекторную, и при этом самостоятельную политику на различных уровнях мировой арены.

Практически одновременно с Казахстаном и другие центрально-азиатские страны заявили о том, что их внешняя политика будет направлена на выстраивание равноправных отношений с самыми различными внешними партнерами, исходя из национальных интересов.

Так, в начале 1990-х гг. основой внешней политики Узбекистана был провозглашен курс на достижение мира, стабильности и сотрудничества. При этом заявлялись открытость для сотрудничества с другими странами, независимо от их идеологии; взаимное уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела друг друга; мирное урегулирование споров и неприменение силы или угрозы силой; поддержание внеблокового статуса страны; равноправие и взаимная заинтересованность в развитии межгосударственных отношений. Эти принципы легли в основу национальной внешнеполитической стратегии, получившей название политики «самостоятельности» («мустакиллик») или политики «открытых дверей».

Следует подчеркнуть, что при этом Узбекистан стремился установить приемлемый для себя баланс в отношениях со своими основными партнерами на международной арене, в первую очередь – с Россией, США и Китаем, лавируя между ними, избегая чрезмерного сближения с кем-либо из них в ущерб отношениям с другими и одновременно преследуя на региональном уровне собственные интересы, т.е. фактически следуя принципу «многовекторности», провозглашенному Казахстаном.

Анализируя факторы, побудившие прибегнуть к многовекторной внешней политике Киргизию, а также последствия этого курса в отношениях с Москвой, Вашингтоном и Пекином в первое десятилетие независимого существования республики, российский эксперт А.Князев считает, что в целом это был удачный эксперимент. «С точки зрения практичности от такой политики Киргизия выигрывала довольно много, включая как преференции со стороны России и других стран СНГ, от Китая, так и определенные послабления от международных финансовых организаций. Было очевидно, что такая политика не может продолжаться бесконечно, но в условиях 1990-х гг. она была для Киргизии, пожалуй, единственно верной» (23, с.113).

Аналогичного мнения относительно преимуществ проведения многовекторной политики другой центрально-азиатской страной – Таджикистаном, придерживался и А.Сатторзода, считавший, что такая по-

литика «наиболее соответствует реалиям переходного периода и глобализационных процессов, является единственным методом выживания, приносящим весомые дивиденды, а также эффективное продвижение своих национальных интересов в различных направлениях международных отношений» (24).

Сходную позицию по вопросам внешнеполитической стратегии и тактики занял и Туркменистан, встав, как и его соседи по региону, на путь лавирования между влиятельными державами. Важной особенностью внешней политики Туркменистана стал провозглашенный им статус постоянного нейтралитета, признанный на международном уровне в результате принятия в 1995 г. соответствующей резолюции ООН.

Таким образом, принципы «многовекторности» легли в основу международной деятельности всех пяти постсоветских государств Центральной Азии, хотя конкретные формы реализации этих концептуальных установок отличались от страны к стране. По мнению киргизского эксперта по международным отношениям К. Рахимова, «в первые годы независимости элитам центрально-азиатских государств был нужен многовекторный внешнеполитический курс для того, чтобы найти источники для сохранения в рабочем состоянии объектов экономики в своих странах; позже он стал уже условием поддержания их политической власти и богатства» (25). Иными словами, этот курс стал прямым продолжением и отражением внутривнутриполитической борьбы и противоречий в странах региона (26).

Время показало, что внешняя политика, ориентированная на все возможные полюсы многополярного мира, каковой является многовекторность, наилучшим образом подходит к условиям баланса сил между основными центрами международных отношений. В своей приветственной речи на 6-ом Евразийском медиафоруме в 2007 году Президент РК Н.А. Назарбаев по этому поводу отметил, что: «Многовекторность казахстанской внешней политики была призвана установить партнерские отношения со всеми основными полюсами влияния – Россией, Китаем, США, ЕС, Индией, арабскими странами, странами Юго-Восточной Азии. И сегодня мы приближаемся к тому, чтобы все крупные международные акторы были заинтересованы в стабильном развитии Центральной Азии. Таким образом, казахстанская многовекторная внешняя политика ориентирована именно на новое концептуальное понимание многополярности» (27).

Что же касается перспектив многовекторной внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии, то в конце 2000-х гг. преобла-

дала мысль о его временности, переходности. Например, в итоговом документе международной конференции «Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений», проведенной в 2008 году в Бишкеке, мы можем прочесть, что: «Принцип многовекторности, лежащий в основе внешнеполитической практики стран Центральной Азии, все более обнаруживают свои пределы. Многовекторность центрально-азиатских государств во многом явилась следствием неготовности России после распада СССР выработать адекватную программу по развитию реально союзнических отношений в сферах экономики, политики и безопасности. В этих условиях другие игроки в регионе – США, ЕС, Китай продолжают форматировать регион, каждый в рамках своего понимания роли и места Центральной Азии в глобальном мире и, одновременно, остаются полюсами притяжения для стран Центральной Азии» (28, с.9-10).

Но новый мировой порядок естественно, привел к тому, что страны Центральной Азии придерживаясь многовекторности во внешней политике, тем не менее, продолжают искать новые пути для сохранения своей безопасности и «многовекторность» не служит помехой. Здесь можно согласиться с тезисом американского политолога Александра Кули, что многовекторность Казахстана и других стран Центральной Азии предопределена набором внешних факторов, связанных с тремя центрами силы – КНР, РФ и США. Последние присутствовали в регионе в 2001-2011 гг. Тогда США решительно и активно заключали партнерские соглашения с рядом стран региона, чтобы поддержать свою войну с терроризмом. Это был первый и весьма существенный фактор перебалансировки сил в регионе. Вторым фактором стало экономическое расширение КНР на фоне отступления России. Третьим и последним фактором влияния стали действия России в старом державном духе. Таким образом, многовекторность, под влиянием всех трех факторов, дала не только Казахстану, но и другим странам Центральной возможности усилить свои собственные интересы.

В тоже время, сегодня некоторые эксперты задаются вопросом: Продлится ли «золотой век многовекторности» Казахстана в обозримом будущем? Так, по мнению Джона Энгвалла и Сванте Корнелла, сотрудников Европейского аналитического центра Silkroadstudies.org (Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program): «Следует четко уяснить, что Казахстан не отказывается от многовекторности во внешней политике. Фактически, сегодня Казахстан ищет альтернативных внешних партнеров еще более настойчиво, чем раньше. Страна формально

стала первопроходцем концепции многовекторности во внешней политике, когда сфокусировалась на отношениях с Россией, Китаем и впоследствии с США. Практическое участие в многосторонних организациях приобрело такой масштаб, что само по себе обрело характеристики «четвертого вектора» внешней политики Казахстана. Того самого, который не только четко обозначает контуры страны на карте мира, но и подкрепляет ее суверенитет вовлечением в большое количество международных организаций» (29).

По мнению Марлен Ларюэль, директора Программы Центральная Азия Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) при Университете Дж. Вашингтона (США): «В последние годы традиционная многовекторная политика Казахстана действительно столкнулась с вызовами, представленными изменением Россией международной границы Украины, с аннексией Крыма и тревожным ухудшением отношений между США и Россией. Многовекторность может функционировать только в мире, где есть определенный баланс между силами и где есть коллективная воля в сохранении мира, но гораздо труднее быть «многовекторным» в период высокой поляризации, когда страны сталкиваются с необходимостью сделать выбор (30).

В свою очередь, Никола Контесси, доцент кафедры гуманитарных и общественных наук, политологии и международных отношений Nazarbayev University (Казахстан), считает, что Казахстан играет более значительную роль в международных делах (в том числе будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН и инициатором астанинского процесса), и это, скорее всего, укрепляет его многовекторную политику. До сих пор действия на практике были также последовательны с многовекторностью, и нет никаких признаков того, что правительство Казахстана намеревается изменить свой курс (30).

Заключение

Многовекторная сбалансированная политика Казахстана, направленная на поиск компромиссов в интересах стабильного развития общества, играет значительную роль в глобальном и региональном масштабе. Это связано во многом с тем, что многовекторная политика Казахстана прагматична, поскольку позволяет соблюдать баланс в регионе, одновременно отстаивая национальные интересы. Известный казахстанский дипломат и политический деятель Касым-Жомарт Токаев утверждает, что именно многовекторность ведет к отсутствию жесткой зависимости внешнеполитического курса от поведения того или иного

партнера, от непредсказуемости развития ситуации в том или ином регионе, от изменения конъюнктуры мирового рынка. Она позволяет обеспечить взаимовыгодное сотрудничество, стабильных и дружественных отношений, прежде всего с непосредственными нашими соседями, государствами Содружества независимых государств (СНГ), а также с ведущими политическими и экономическими центрами современного мира (31, с.25).

Действительно, за время существования независимого Казахстана многовекторная внешняя политика обеспечила вхождение в мировое сообщество и укрепление международных позиций. Возросшая субъектность Казахстана на мировой арене свидетельствует о повышении роли и международного авторитета государства, увеличении регионального веса, росте значения для глобальной экономики и финансовых институтов. Казахстан является инициатором и локомотивом интеграционных процессов в регионе и активным участником международных региональных и глобальных структур. Так, французский эксперт по Центральной Азии А. Делетро, в интервью немецкому изданию *Deutsche Welle* заметил, что «у Казахстана самая амбициозная внешняя политика, если сравнивать ее со странами региона. И казахстанская дипломатия достаточно успешна». Свидетельством этому стало председательство Казахстана в ОБСЕ (2010), а теперь членство в Совете безопасности ООН (2017-2018), которое, безусловно, станет огромным политическим уроком для страны и окажет огромное влияние на мировом уровне (32).

Подводя итоги социально-философского и политологического анализа многовекторности и безопасности Республики Казахстан и стран Центральной Азии отметим, что многовекторность как основной принцип внешней политики Республики Казахстан и стран Центральной Азии доказал свою целесообразность и продемонстрировал, что является единственно верным методом выживания в современном глобализированном мире. Странам Центральной Азии необходимо и дальше следовать сбалансированному внешнеполитическому курсу, учитывающему как ее национальные интересы, так и динамику мирового и регионального развития. Только такая политика может способствовать укреплению суверенитета и государственности, вхождению стран в систему международных отношений и мирохозяйственных связей, принести немалые дивиденды республикам. Именно многосторонность и многоуровневость внешней политики как сознательный и продуманный выбор стран региона, способна обеспечить безопасность и стабильность развития центральноазиатских сообществ.

Литература:

1. Ертисбаев Е.Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001. – 576 с.
2. Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерк о внешней политике Казахстана. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1997. – 594 с.; Чжен Кун Фу. Геополитика Казахстана между прошлым и будущим. – Алматы: Жеты жаргы, 1999. – 227 с.; Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан. – Астана: Елорда, 2001. – 552 с.; Аубакирова А.А. Геополитические и географические факторы в формировании внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. – Алматы: Экономика, 2003. – 272 с.; Султанов Б.К., Музапарова Л.М. Становление внешней политики Казахстана. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005. – 356 с.; Внешняя политика Республики Казахстан: Учебник / Под ред. Байзаковой К.Е. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2006. – 302 с.; Каптагаев О.К. Многовекторная внешнеполитическая стратегия Казахстана в контексте межцивилизационного диалога. – Алматы, 2010. – 254 с.; Медеубаева Ж. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991-2010 годы). – Астана, 2012. – 288 с.; Лаумулин М.Т. Казахстан в современном мире: внешняя политика многовекторности. – Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. – 272 с.; Назарбаев Н.А. Эра независимости. – Астана, 2017. – 508 с. и др.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1: А – О. – 1213с.
4. Лаумулин М. Многовекторность внешней политики Казахстана – плюсов больше, чем минусов [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1078126740>, 01.03.2004.
5. Калишевский М. Казахстан: от «многовекторности» внешней политики к «многополярности» СНГ. Часть 1 [Электронный ресурс]: Режим доступа: // fergana.ru/article.php?id=4994, 20.03.2007.
6. Программа исторических исследований «Народ в потоке истории» [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://e-history.kz/ru/contents/view/331>
7. Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – 298 с.
8. Жанбулатова Р. Приоритеты внешней политики Казахстана: исторические традиции и современность // *Concorde*. – 2015. – №5. – С. 77-80
9. Байдаров Е.У. Эпоха хана Абылая и казахская цивилизация в контексте глобальной истории (историко-философский аспект) // Казахстан – перекресток взаимодействия цивилизаций: Материалы научной конференции (5-9 июля 2007 г.) – Алматы: 2007. – С.160-168.
10. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: Учебник для студентов вузов. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 312 с.
11. Валиханов Ч.Ч. Аблай // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.4. – Алма-Ата, 1985.
12. Хафизова К. Международные связи Вали хана // *Мысль*. – 2016. – №7.

13. О многовекторности Казахстана, аналитике, внешней политике РК (Интервью с Булатом Султановым) // <http://sayasat.org/tribune/928-o-mnogovektornosti-kazahstana-analitike-vneshnej-politike-rk>, 08.06.2014.
14. Randall L. Schweller. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back // *International Security*, 1994. Vol. 19, No. 1 (Summer). Pp. 72-107.
15. Nicola P. Contessi. Foreign and Security Policy Diversification in Eurasia: Issue Splitting, Co-alignment, and Relational Power // *Problems of Post-Communism*, 2015. Vol. 62, Issue 5. Pp. 299-311.
16. Elena Gnedina. 'Multi-Vector' Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // *Europe-Asia Studies*, 2015. Vol. 67, Issue 7. Pp. 1007-1029.
17. Taras Kuzio. Is Ukraine Part of Europe's Future? // *The Washington Quarterly*, 2006. Vol. 29, Issue 3. Pp. 89-108.
18. Многовекторная дипломатия в теории и на практике (часть 1) [Электронный ресурс]: Режим доступа:// <http://caa-network.org/archives/12951>, 19 апреля 2018 г.
19. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамұра, 2003. – 240с.
20. Байдаров Е.У. О проблемах национальной безопасности государства // *Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития. Четырнадцатые Вавиловские чтения: материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием: в 2 ч. / под общей редакцией проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2011. – Ч.1. – С. 14-17.*
21. Шалаев В.П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях западофикации глобального мира // *Регионоведение*. – 2008.- №3. –С. 272-278.
22. Назарбаев Н.А. Эпицентр мира. – Астана: «Елорда», 2001.– 294 с.
23. Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). – Бишкек, 2012. – 420 с.
24. Сатторзода А. Некоторые теоретические аспекты многовекторности во внешней политике государств Центральной Азии [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://www.easttime.ru/analytic/1/206.htm>, 08.09.2009.
25. Фасхутдинов Г. Многовекторность внешней политики: феномен Центральной Азии [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://www.dw.com/ru/многовекторность-внешней-политики-феномен-центральной-азии/a-18778534>, 13.10.2015.
26. Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // *Россия и новые государства Евразии*. 2018. №1 (XXXVIII). – С. 9-22.
27. О внешней политике Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://www.eamedia.org/ru/history/2007/443/447>

28. Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений / Под ред. Князева А.А., Миграняна А.А. – Бишкек, 2009. – 232 с.

29. Дербисов А. Может ли Казахстан сохранить многовекторную политику? [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <https://365info.kz/2016/09/prodolzhaet-li-mnogovektornaya-vneshnyaya-politika-byt-variantom-dlya-kazahstana/>, 19.09.2016.

30. Многовекторная дипломатия на практике – Казахстан [Электронный ресурс]: Режим доступа: // <http://caa-network.org/archives/12956>, 20.04.2018.

31. Токаев К.К. Очерки дипломата. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2007. – Кн. 2: Под стягом независимости. – 288 с.

32. Внешнюю политику Казахстана называли наиболее амбициозной [Электронный ресурс]: Режим доступа: // http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/vneshnyuyu-politiku-kazahstana-nazvali-naibolee-ambitsioznoy-244347/, 26.10.2013.

Mətləb Mahmudov

Sosiomədəni ehtiyatlar məkan-zaman tarixi kontekstində

Sosiomədəni ehtiyatların müasir vəziyyəti kontekstində, onun qorunması və istifadə edilməsi, bütün bu mirasın tarixi kontekstdə nəzərdən keçirilməsi çox mühüm aktual əhəmiyyət daşıyır. Sosiomədəni ehtiyatların inkişafının demək olar ki, hər bir tarixi aspekti bu və digər dərəcədə, onların ölçüsü və səviyyəsindən asılı olmayaraq, təkcə ictimai əhəmiyyətli funksiyanı yerinə yetirmir, həmçinin fikri müəyyən cəmiyyətlərin ənənələri və mədəniyyətlərinin bərpası ilə bağlı mühüm tarixi problemlərin həllinə doğru yönəldərək sosiomədəni mühitin təbii vəhdətində qorunması məsələlərini də əhatə edir.

Bundan əlavə, keçmişdə sosiomədəni ehtiyatlar, baxmayaraq ki, cəmiyyət üçün həmişə əhəmiyyətli olsalar da, əsas siyasi qərarlardan kənarda qalıblar. Müasir dövrdə onlar əksər inkişaf etmiş cəmiyyətlər tərəfindən azadlıq və yaradıcılıq, modernləşmə və inkişaf strategiyasının tərkib hissəsi kimi qəbul edilirlər. Bununla əlaqədar, sosiomədəni ehtiyatların formalaşmasında iştirak edən əksər institutlar müasir sosial kontekstdə mədəni irsin integrasiyasının yollarını, konseptual və hədəf vəzifələrinin həyata keçirilməsi ilə bağlı problemlərin həllinə yönəlmişdir. Sosiomədəni ehtiyatlar, mədəniyyətin daxili dəyərlərinə (yaddaş, yaradıcılıq, ənənə və s.) əsaslanaraq və gələcək inkişaf dinamikasına təsir göstərərək, bəzən keçmiş mədəniyyətin tarixi cəhətini kənara qoyur. Təsadüfi deyil ki, müasir tədqiqatçıların işlərində folklorla "renessans" xarakterli maraq yaranmışdır: "yenilik" ilə yanaşı, "miras" və "ənənələr" də, həm nəzəri əhəmiyyətə, həm də praktik tətbiqə malik, elmi müzakirələrin başlanğıcı olan anlayışlara çevrilir. Bu qeyd edilənlər əsasında insan inkişafının proqram-genetik amilləri durur, mədəni

Müəlliflər haqqında məlumat – Сведения об авторах – Information about authors

Abasov Əli Seyidabbas oğlu – fəlsəfə elmləri doktoru (f.ü.e.d.), professor, Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının (AMEA) Fəlsəfə İnstitutunun (Fİ-un) Müasir fəlsəfə problemləri (MFP) şöbəsinin müdiri.

Абасов Али Сейидаббас оглу – доктор философских наук (д.ф.н.), профессор (проф.) заведующий отделом "Современные проблемы философии" (СПФ) Института философии (ИФ) Национальной академии наук Азербайджана (НАНА).

Abasov Ali – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department "Modern Problems of Philosophy" of the Institute of Philosophy (IPh) of Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS).

Abbasov Əbülhəsən Fərhad oğlu – f.ü.e.d., prof., AMEA Fİ-un MFP-i şöbəsinin baş elmi işçi (baş e.i.), "Dünya professorlar sülh naminə" Beynəlxalq təşkilatın üzvü.

Аббасов Абульгасан Фархад оглу – д.ф.н., главный научный сотрудник (гл.н.с.) ИФНАНА, член Международной организации «Профессора мира».

Abbasov Abulhasan – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy" of IPh of ANAS, Member of the International Organization "World Professors for Peace".

Abbas Mahrux Abbas qızı - fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru (f.ü.f.d.), AMEA Fİ-un elmi işçisi (e.i.).

Аббас Махрух Аббас гызы - доктор философии по философии (д.ф.п.ф.), научный сотрудник (н. с.) отдела СПФ, ИФ НАНА.

Abbas Mahruxh - PhD in Philosophy, Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Abdallı Həcər İmamqulu qızı – fəlsəfə üzrə fəlsəfə doktoru (f.ü.f.d.), AMEA Fİ-un aparıcı elmi işçisi (ap.e.i.).

АбдаллыХаджарИмамгулугызы – доктор философии по философии (д.ф.п.ф.), ведущий научный сотрудник (вед.н. с.)отдела СПФ, ИФ НАНА.

Abdalli Hajar–PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Adulo Tadeuş İvanoviç – f.ü.e.d., prof., Belarus Milli elmlər akademiyası, Dövlət elmi idarə, sosial-fəlsəfi və antropoloji tədqiqatları Mərkəzinin müdiri.

Адуло ТADEУШ ИВАНОВИЧ– доктор философских наук, профессор, Государственное научное учреждение «Институт философии Национальной академии наук Беларуси», заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований (Беларусь).

Adoulo Tadeouch – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Center of Social-Philosophical and Anthropological Research, ST "Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus" (Belarus).

Əliyeva Qüdsiyyə Nüsrət qızı – f.ü.f.d, AMEA Fİ-un "MFP" şöbəsinin e. i.

Алиева Гудсия Нусрет гызы – д.ф.п.ф., н. с. отдела СПФ ИФ НАНА.

Aliyeva Gudsia – PhD in Philosophy, Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Ələkbərli Faiq – f.ü.f.d., dosent, AMEA Fİ-un aparıcı elmi işçisi.

Алекперли Фаик – д.ф.п.ф., доцент, ведущий научный сотрудник ИФ НАНА.

Alekperli Faik – PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher of the IPh of ANAS.

Əlicanova Nailə Nazim qızı – AMEA Fİ-un Siyasi nəzəriyyələr şöbəsinin kiçik elmi işçi.

Алиджанова Наиля – м.н.с. отдела "Политических теорий" ИФ НАНА.

Alijanova Nailya – Junior Researcher of the Department "Political Theories", IPh of ANAS.

Əsədov Fəhda Məhərrəm oğlu – tarix üzrə f. d., dosent, AMEA Sərqşünaslıq İnstitutunun ərəb ölkələrinin tarix və iqsadiyyat şöbəsinin müdiri.

Асədov Фарда Мəгəррəм оғлу – доктор философии по истории, доцент, заведующий отделом истории и экономики арабских стран Института востоковедения НАНА.

Asadov Farda – PhD in History, Associate Professor, Head of the Department "History and Economics of the Arab Countries" of the Institute of Oriental Studies of ANAS.

Əhmədova Asya Humayaq qızı – AMEA Fİ-nun Mfp-i şöbəsinin böyük laborantı.

Ахмедова Ася Хумаяг гызы – ст. лаборант отдела СПФ ИФ НАНА.

Ahmedova Asya – Senior Research Assistant of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Bağirova Fəridə Cəmsid qızı – AMEA Fİ-un "MFP" şöbəsinin e. i.

Багирова Фарида Джамшид гызы – н.с. отдела СПФ ИФ НАНА.

Baqirova Farida – Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Balayev Aydın Hüseyağa oğlu – tarix elmləri doktoru, AMEA Arxiologiya və Etnografiya İnstitutun baş e. i.

Балаев Айдын Гусейнага оғлу – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Археологии и Этнографии НАНА.

Balayev Aydyn – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Archeology and Ethnography of ANAS.

Baydarov Erkin Ulanoviç – Qazaxıstan Şərqşünaslıq İnstitutunun aparıcı elmi işçisi, Qazaxıstan Milli Universitetinin Şərqşünaslıq fakültəsinin dekani, fəlsəfə elmləri namizədi, Rusiya Təbiət Elmləri Akademiyasının professoru.

Байдаров Еркин Уланович – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, доцент факультета востоковедения Казахского национального университета им. Аль-Фараби, кандидат философских наук, профессор Российской Академии естествознания (Казахстан).

Baydarov Erkin – PhD in Philosophy, Leading Researcher of R. B. Suleymenov Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Associate Professor of the Department of Oriental Studies of Kazakh National University named Al-Farabi, Professor of Russian Academy of Natural History (Almaty, Kazakhstan).

Baş Haydar – fəlsəfə və ilahiyyat elmləri doktoru, professor, Bağımsız Türkiyə Partiyasının (BTP) sədri.

Baş Haydar – felsefe ve ilahiyat doktoru, profesör, Bağımsız Türkiye Partisi (BTP) başkanı.

Баш Хайдар – доктор философских и теологических наук, профессор, председатель Партии Независимой Турции (Турция).

BashHaydar – Doctor of Philosophical and Theological Sciences, Professor, Chairman of the Independent Turkey Party (Turkey).

Buniyatov Arif Rüstəm oğlu – fəlsəfə elmləri doktoru, professor, AMEA Fəlsəfə İnstitutunun “Məntiq” şöbəsinin baş elmi işçisi.

Буниятов Ариф Рустам оғлу – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела «Логика» Института философии НАНА.

Buniyatov Arif – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Department "Logic" of the Institute of Philosophy of ANAS.

Vaşkeviç Viktor Nikolayeviç - Fəlsəfə elmləri doktoru, professor, M.P.Dragomanov adına Milli Pedaqoji Universitetinin şöbə müdiri (Ukrayna).

Вашкевич Виктор Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Украина).

Vashkevich Victor – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of the Department of the National Pedagogical University named after. M. P. Dragomanov (Kiev, Ukraine).

Qaliyev Anuar Abitaevich – tarix elmləri doktoru, al-Farabi adına Kazaxstan Elmi İdarəsi Şərqşünaslıq fakültənin professor (Almaty, Kazaxstan)

ГалиевАнуарАбитаевич – докторист. наук, профессор факультета Востоковедения КазНУ им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан).

Galiev Anuar – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental Studies of Kazakh National University named Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan.

Qaraqoyunlu Yasəmən Tağı qızı - AMEA Fəlsəfə İnstitutunun Davamlı inkişafın fəlsəfi problemləri Şöbəsinin elmi işçisi.

Гарагоюнлу Ясаман Таги гызы – н. с. отдела «Устойчивое развитие» ИФ НАНА

Garagoyunlu Yasemen –Researcher of the Department "Sustainable Development" of the Institute of Philosophy of ANAS.

İsmayilov Eldar (30.04.1950 – 10.04.2014) – tarix elmləri doktoru, Bakı Dövlət Universitetinin professoru.

Исмаилов Эльдар Рафик оглу (30.04.1950 - 10.04.2014) – доктор исторических наук, профессор Бакинского государственного университета.

Ismayilov Eldar (30.04.1950 - 10.04.2014) – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Baku State University.

Koldıbayev Safar Abduqaliyevic –Qazaxıstan Respublikasının Əhməd Baytursın adına Kostanay Dövlət Universitetinin “Fəlsəfə” kafedrasının müdiri, fəlsəfə elmləri doktoru, professor.

Колдыбаев Сафар Абдугалиевич– доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Костанайского государственного университета имени Ахмета Байтурсынова (Казахстан).

Koldybayev Safar –Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy of Kostanay State University named Ahmet Baytursynov (Kazakhstan).

Levko Anatoliy İqnatyevich – sosiologiya elmləri doktoru, mədəniyyətin sosiologiyası, elm və təhsil üzrə professor, Belarus MEA-in tarix-fəlsəfi və komparativ tədqiqatlar Mərkəzinin baş e. i.

Левко Анатолий Игнатьевич– доктор социологических наук, профессор в области социологии культуры, образования, науки, главный научный сотрудник Центра историко-философских и компаративных исследований Института философии НАН Беларуси (Беларусь).

Levko Anatoly – Doctor of Sociologic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the NAS of Belarus (Belarus).

MəmmədovRauf–f.ü.f.d, AMEA Fəlsəfə İnstitutu “MFP” şöbəsinin a.e.i.

Мамедов Рауф –доктор философии по философии, ведущий научный сотрудник отдела СПФ ИФ НАНА.

Mammadov Rauf – PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Mahmudov Mətləb – f.ü.f.d, AMEA-nın Fəlsəfə İnstitutu “MFP” şöbəsinin a.e.i.

Махмудов Матлаб – доктор философии по философии, ведущий научный сотрудник отдела СПФ ИФ НАНА.

Mahmudov Matlab – PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Mirzəyeva Valentina Arif qızı – Gürcüstan Təbii Sərvətlər Tədqiqat Mərkəzinin elmi əməkdaşı, Gürcüstan Texniki Universiteti.

Мирзаева Валентина Арифовна – научный сотрудник, Центр по изучению природных ресурсов Грузии, Грузинский технический университет (Тбилиси, Грузия).

Mirzaeva Valentina – Researcher, Center Studying Natural Resources of Georgia, Georgian Technical University (Tbilisi, Georgia).

Mustafayev Radif Heybət oğlu – AMEA Fəlsəfə İnstitutunun Multikulturalizm və tolerantlığın fəlsəfəsi şöbəsinin böyük elmi işçisi, f.ü.f.d.

Мустафаев Радиф Хейбат оглу – д.ф.п.ф., ст. н. с. отдела «Философия мультикультурализма и толерантности» ИФ НАНА.

Mustafayev Radif – PhD in Philosophy, Senior Researcher of the Department "Philosophy of Multiculturalism and Tolerance", IPh of ANAS.

Mustafayev Şahin Mədcid oğlu – tarix elmləri doktoru, professor, AMEA-nın həqiqi üzvü, AMEA ak. Z. Buniyatrov adına Şərqşünaslıq İnstitutunun direktor müavini.

Мустафаев Шаин Меджид оглу – д.ист.н., профессор, действительный член НАН Азербайджана, заместитель директора Института востоковедения им. ак. З.М.Буниятова НАН Азербайджана.

Mustafayev Shahin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of ANAS, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies named Z. Buniyatrov of ANAS.

Nəzərova Xalidə Kamal qızı – kiçik elmi işçi

Назарова Халида Камал ызы – м.н.с.отдела СПФ ИФ НАНА.

Nazarova Khalida – Junior Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Pochepstov Georqi Qeorqievich – filologiya elmləri doktoru, Mariupol Dövlət Universitetinin professoru (Ukraina).

Почепцов Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор Мариупольского государственного университета (Украина).

Pochepstov Georgi – Doctor of Philological Sciences, Professor of Mariupol State University (Ukraine).

Telebayev Qaziz Turisbekovich – fəlsəfə elmləri doktoru, professor, RK-nın Birinci Prezident Kitanxanasının – Elbası – aparıcı elmi işçisi.

Телебаев Газиз Турысбекович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Библиотеки Первого Президента РК – Елбасы (Казахстан).

Telebayev Qaziz – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Library of the First President of RK – Elbasi (Kazakhstan).

Salmanova Nəzakət Əjdər qızı - f.ü.f.d., böyük elmi işçi

Салманова Назакет Адар ызы – д.ф.п.ф., ст. н. с.отдела СПФ ИФ НАНА.

Salmanova Nazaket—PhD in Philosophy, Senior Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Xeoşvili Giorgi – İliya Dövlət Universiteti, S. Tsereteli adına Fəlsəfə İnstitutunun elmi i. (Gürcüstan).

Хеошвили Георги –Государственный университетИлии, н. с. Института философии им. С. Церетели (Грузия).

Kheoshvili Giorgi–Savle Tsereteli Institute for Philosophy, Researcher of Ilia State University (Georgia).

Şabanov Zeynəddin Məsənnif oğlu – AMEA Fəlsəfə İnstitutunun aparıcı elmi işçisi, fəlsəfə ü.f.d., dosent.

Шабанов Зейнадин Мусаниф оглу—д.ф.п.ф., доцент, вед.н. с.отдела СПФ ИФ НАНА.

ShabanovZeynaddin—PhD in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Şirinov Aydın Əhməd oğlu– f.ü.f.d., prof., AMEA Fİ-un Sosial fəlsəfə şöbəsinin ap.e.i.

Ширинов Айдын Ахмед оглу – д.ф.п.ф., проф., вед. н. с. отдела "Социальной философии" ИФ НАНА.

Shirinov Aydin – PhD in Philosophy, Professor, Leading Researcher of the Department "Social Philosophy", IPh of ANAS.

Təhməzova Elmira Əliseyran qızı – f.ü.f.d., elmi işçi

Тахмазова Эльмира Алисейран гызы – д.ф.п.ф., доцент, н. с.отдела СПФ ИФ НАНА.

Tahmazova Elmira—PhD in Philosophy, AssociateProfessor, Researcher of the Department "Modern Problems of Philosophy", IPh of ANAS.

Xəlilli Xəliyəddin Dəskirəli oğlu – tarix üzrə fəlsəfə doktoru, AMEA Arxeologiya və Etnografiya İnstitutunun a. e.i.

Халили Халиаддин Даскиралы оглу – доктор философии по истории, вед. н. с. Института Археологии и Этнографии НАНА.

Helilli Haliyaddin – PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of ANAS.

Hacıyev Rövşən Sabir oğlu – f.ü.f.d., AMEA Fİ-un “İdrak nəzəriyyəsi” şövbəni apr. t. İşçi.

Гаджиев РовшанСабир оглу – д.ф.п.ф., вед. н.с. отдела «Теория познания» ИФ НАНА.

Gajiyev Rovshan –PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department "Epistemology", IPh of ANAS.

Şermuhamedova Niginahon Arslanovna –fəlsəfə elmləri doktoru, Daşkənd Dövlət Universitetinin “Fəlsəfə və Məntiq” kafedrasının professoru.

Шермухамедова Нигинахон Арслановна– доктор философских наук, профессор кафедры “Философии и логики” Ташкентского государственного университета (Узбекистан).

Shermuhamedova Neginahon –Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department "Philosophy and Logic" of Tashkent State University (Uzbekistan).

Yaskeviç Yadviqa Stanislavovna –Belarusiya Dövlət Universitetinin “Fəlsəfə və sosial elmlər” fakültəsinin “Sosial ünsiyyət” şöbəsinin müdiri, fəlsəfə elmləri doktoru, professor.

Яскевич Ядвига Станиславовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Беларусь).

Yaskevich Yadviga– Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Communication, Faculty of Philosophy and Social Sciences of Belarus State University (Belarus).

Redaktorlar:
Əli Abasov, Əbülhəsən Abbasov

Çapa məsul:
Akif İbişov

Kompüter dizaynı:
Hilal Ağamoğlanov

Çapa imzalanmışdır 03.07.2018. Kağız formatı 60x84 ¹/₁₆. Qarnitura Times.
Fiziki çap vərəqi 43,75. Şərti çap vərəqi 30,69.
Sifariş 1812. Tiraj 150..

“Azərbaycan” nəşriyyatının mətbəəsində çap edilmişdir.
Az1073 Bakı, Mətbuat prospekti, 529-cu məhəllə.
Tel.: (99412) 5380010. Faks: (99412) 5380014.
E-mail: azerb_nesch @ mail.ru